

УДК 821.161.1.09:140.8К. Леонтьев

Раковская Нина Михайловна
Одесса, Украина

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС К. ЛЕОНТЬЕВА

К. Леонтьев относился к тому типу талантливой личности, которая осталась незамеченной его современниками. Интеллектуальность аристократического дома, патриархальность были той почвой, от которой он отталкивался. Естественно, его привлекала идея государственности, рационализма, поставившая актуальные для того времени проблемы России и Запада, России и славянства. Отсюда и возникновение теории триединого процесса (природа, государство, личность), теория культурно-исторических типов, предшествовавшая концепциям О. Шпенглера, Л. Гумилева.

Целью данного исследования является осмысление аспектов критической рефлексии К. Леонтьева, в которой проявилось парадоксальное и противоречивое мироощущение талантливого мыслителя, исследующего мир русской классической литературы.

Свою позицию К. Леонтьев определил как “философскую ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни”, к крушению сословного строя в России и замену его эгалитарным буржуазным обществом: “буржуазная роскошь и буржуазный разврат, буржуазная умеренность и буржуазная нравственность, полька тремб-лант, сюртук, цилиндр и панталоны, так мало вдохновительны для художников, то чего же должно ожидать от искусства тогда, когда... не будут существовать ни цари, ни священники, ни полководцы, ни великие государственные люди... Тогда, конечно, не будет и художников. О чём им петь тогда? И с чего писать картины?”.

Время Пушкина, а также 40-50-е годы XIX века К. Леонтьев считал лучшими в эстетическом отношении: “блаженное для жизненной поэзии время”. Этим во многом и определялось отношение К. Леонтьева к своему времени: поскольку “патриархальную поэзию русского быта” уже нельзя возродить, она умирает вместе с дворянской усадьбой, эстетику остаётся только охранять её остатки (“что ещё не совсем погребло”), — замечал критик.

С. Бочаров верно указывал на одно из главных противоречий эстетики К. Леонтьева, которое он видел в разграничении им “реальной” эстетики жизни и “отражённой” красоты искусства. Действительно, их соотношение оценено у К. Леонтьева двойственно: “Искусство же есть цвет жизни и самое высшее, идеальное её выражение”; “Эстетика жизни (не искусства!..Чёрт его возьми искусство — без жизни!)”. “Интересно прекрасное в искусстве, но важно только прекрасное в жизни: “А “прекрасное” нынче всё потихоньку опускается в те скучные катакомбы пластики, которые зовутся музеями и выставками и в которых происходит что-нибудь одно: или снуют без толку толпы людей малопонимающих, или “изучают” что-нибудь специалисты и любители, то есть люди, быть может, и понимающие изящное “со стороны””.

Эстетизм К. Леонтьева, как отмечал С. Франк, сочетался с “мрачным пессимизмом”, доходящим “до любви к жестокости и насилию”. Возможно, этот парадокс возник в связи со стремлением К. Леонтьева к самостоятельности, независимости своей концепции от Н. Чернышевского с одной стороны, и А. Дружинина, — с другой. Заметим, что литературная жизнь того времени находилась под влиянием двух основных философско-критических направлений. К. Леонтьеву было сложно соединить утилитаризм демократов с эстетизмом. Но совершенно очевидно, что ещё в ранних статьях он не принимал тенденциозности в литературе. В качестве примера он приводил творчество И. Тургенева. “Тургенев позволял себе быть самим собой только в маленьких повестях, жертвуя талантом, “насилуя собственный вкус” в угоду времени, считая обязательным для романов общественные события, деятельные характеры, вошедшие в его романы чуждым и неубедительным элементом” [8, т. 6, с. 696], — замечал К. Леонтьев.

В 1850-е годы, время расцвета либерализма, события общественно-политической жизни воспринимались К. Леонтьевым как “сцены из постановки, разыгрывающейся на подмостках грандиозного, всемирного театра, где перед ним развёртывается увлекательная, приковывающая внимание драма истории человечества [14]. Много позже К. Леонтьев замечает, что в то время он “был и романтик, и почти нигилист”. И далее: “Романтику нравилась война, нигилисту претили военные. Я, сам того не сознавая, любил и в гражданских

смутах их военную, боевую сторону, а никак не штатскую цель их” [8, с. 304]. Именно по этой причине писатель иронично относился к гражданским задачам, которые ставили перед собой либералы. Идеи К. Леонтьева были в то время весьма расплывчаты, если не всецело бесформенны.

В этот период важной для критика оказалась встреча с И. Тургеневым. С писателем К. Леонтьева сближали не политические убеждения, скорее они в это время не препятствовали их общению. Встретив И. Тургенева, К. Леонтьев обрёл друга и наставника, который не только подпитывал тщеславные надежды юноши на известность, неоднократно пытаясь напечатать сочинения молодого человека в петербургских журналах, но и разделял эстетические взгляды “самолюбивого, исковерканного” мальчишки с несомненным поэтическим талантом. Своему духовному наставнику начинающий писатель признается: “Не знаю, что это на меня действует <...> только я ужасно люблю смотреть на людей сильных, здоровых, красивых...” И далее: “... во мне неискоренимо было то живое эстетическое чувство, которое больше дорожит поэзией действительной жизни, чем художественным совершенством ее литературных отражений” [8, т. 8, с. 733]. Позднее К. Леонтьев, излагая свои философско-эстетические взгляды, отмечает, что предметом его художественных и философских изысканий становится “поэзия”, живописность “земного бытия”, постигаемая в соотношении внутреннего закона бытия с эмпирическим.

С его точки зрения, художник должен постичь прекрасную сущность бытия. Однако творческий процесс писателя — это прежде всего воплощение поэтичности бытия, — указывал критик, — ибо искусство, так же, как и органическая природа, живёт разнообразием, антагонизмом и борьбой; и именно в этом обретает единство и гармонию. “Гармонию бытия”, основа которой — “богатство и разнообразие борьбы сил божественных (религиозных) с силами страстноэстетическими (демоническими)”, автор пытается показать и в своих художественных произведениях, и в статьях.

“Дымка поэзии”, по замечанию одного из исследователей творчества К. Леонтьева И. Иваска, “в леонтьевских описаниях природы или влюблённости... напоминает тургеневскую живопись” [4, с. 356]. Именно эта “дымка поэзии”, окутывающая художественные произ-

ведения писателей, даёт возможность определять их творческое восприятие главным образом как эстетическое, способное “найти поэзию и художественную мысль во всех точках горизонта”. Укажем, в этой связи, на одно из наставлений И. Тургенева молодому человеку: “Вы знаете лучше всего из нас, что творения истинно поэтические вытекают более и более с течением времени из окружающей мелочи; огонь исторических временных стремлений гаснет, а красота не только вечна, но и растёт, по мере отдаления во времени, прибавляя к самобытной силе своей еще обязательную мысль о погибших формах иной, горячей и полной жизни” [12, с. 136]. Однако, несмотря на созвучие в тональности создаваемого И. Тургеневым и К. Леонтьевым художественного мира, различие в направлении их творческих поисков начало проявляться почти сразу же после их знакомства. “Леонтьев, несомненно, от своего литературного ментора отталкивается, как отталкиваются веслом от берега, но плыл он в другом направлении — не по тургеневским заводям, а по каким-то опасным порогам...” (В. Розанов).

Отметим и следующий факт. В 1860 г. И. Тургенев пишет К. Леонтьеву: “Почему бы Вам не попробовать писать критические и эстетические этюды? На это, я уверен, у Вас есть все данные” [12, с. 345]. Этот совет И. Тургенева был учтён Леонтьевым. Именно в 1860-е гг. началась его литературно-критическая и публицистическая деятельность. В частности, в журнале “Отечественные записки” появляется его критико-эстетический этюд “Письмо Провинциала к г. Тургеневу”, касающийся романа И. Тургенева “Накануне”. Произведение писателя подверглось в нем резкой критике со стороны Провинциала (маска автора статьи). Главный упрек автору романа состоял в “поэтической безжизненности” его героев, идущей, по Леонтьеву, от “насилования” собственного вкуса, т. е. ухода от поэтичности к тенденциозности, ибо “создание идеала цельной человеческой личности”, “души изящной, но страдающей” возможно только на основе поэтичности повествования. Идеи К. Леонтьева основывались прежде всего на концепции интуитивизма, чувственности. Чувство и эстетический вкус способствуют познанию психологии души, — отмечает он в письмах И. Тургеневу. Вместе с тем, постепенно происходит охлаждение в отношениях К. Леонтьева и И. Тургенева. Прежде всего, данный факт связан с интересом критика к славянофильским

идеям. В 1861 г. между ними происходит окончательный разрыв. К. Леонтьев сближается с петербургскими славянофилами, группировавшимися около журнала “Время”. Об издателях его — братьях Достоевских — он почти не упоминает и только между прочим говорит о знакомстве с Н. Страховым.

В этой связи совершенно очевидно, что именно в 60-е гг. XIX столетия, когда русское общество интересовало исключительно социально-политические вопросы, К. Леонтьева занимает вопрос о духовности русской литературы. В связи с этим он пишет Н. Страхову: “Я готов повторить за Вами (*Н. Н. Страховым*), что дальше по пути реализма идти нельзя <...> Потребность к повороту изящному, идеальному чувствуется уже давно во всем...”. И далее: “Соедините всё вместе — высокий выбор Л. Толстого и высокие приёмы И. Гончарова и М. Вовчка, прибавьте к этому между строчками побольше смелости философской или исторической мысли — и наша литература даст наконец миру то, что мы желаем, — разнообразное, русское содержание в прекрасной форме” [6, с. 222]. Романы И. Тургенева, с точки зрения критика, относятся к тому периоду в русской литературе, который окончательно испортил “пошлый реализм”.

Главный упрек реализму, адресуемый К. Леонтьевым, заключается в безжизненности выводимых в произведениях лиц, которые слишком чётко, почти до схематизма выражали авторскую мысль. Интерпретируя собственный роман “В своём краю”, он находит тот же недостаток. “В нём есть эти типы, эти характеры, которые лезут в глаза с бумаги и в реальной обрисовке которых, я не знаю, кто только у нас теперь не набил руку”, — утверждает К. Леонтьев [11]. И примером этого вредного “в литературе направления” он называет И. Тургенева, творчество которого в молодости “почитал за образец”. “Мне это ещё раньше опротивело: опротивел даже сам Тургенев со своими “живыми людьми”. Я стал искать теней, призраков и чувств. Я желал, чтобы повести мои были похожи на лучшие стихи Фета, на полевые цветы, собранные искусной рукой в изящно-бледный и скромно-пёстрый букет”, — пишет он Вл. Соловьёву в 1879 г. [11]. Как один из примеров такого творческого подхода К. Леонтьев называет рассказ “Хризо”, в котором “все характеры нарочно намечены чуть-чуть, слегка”. Следует отметить, что данная изящность и недосказанность много позже стала признаком модернистских течений, возникших на

рубеже XIX — XX в.в. Более того, эстетизм К. Леонтьева воплощался в интересе к стилистике текста, поэтике и структуре художественного произведения. Таким образом он преодолевал критическую одно-сторонность как “реальной критики”, так и эстетической. “Всё даже исторически значимое отпадёт, и останется одна красота, — писал он [8, т. 6, с. 699].

Для К. Леонтьева, как и для Ап. Григорьева, Ф. Достоевского искусство не для искусства, а для осуществления той полноты жизни, которая необходимо включает в себя и особый элемент искусства — красоту, но включает не как что-нибудь отдельное и самодовлеющее, а в существенной и внутренней связи со всем остальным смыслом бытия.

Интересен тот факт, что К. Леонтьев при анализе произведений непосредственно обращался к рассмотрению вопросов поэтики. В XX веке подобный угол зрения дал повод исследователям назвать К. Леонтьева предтечей формальной школы. Б. Эйхенбаум отмечал: К. Леонтьев осмыслил, что неизбалованное, простое, свежее чувство дикаря, ребёнка, простолюдина, бедняка истинный художник освещает своим авторским чутьём. Он также исследует предметный мир и “точку зрения”, с которой ведётся повествование, указывая, что когда повествование ведётся не от лица автора, а от лица персонажа, создаётся определённый эстетический эффект, сообщающий предметам особую поэтичность. Б. Шкловский (также опираясь на К. Леонтьева) спустя десятилетия назвал этот приём “остранением”. Более того, в ранних статьях К. Леонтьев уже дал определение символики текста, её знаковости, что сразу же отметили критики Серебряного века (Д. Мережковский, В. Розанов).

Очевидно, что основные положения “органической” критики Ап. Григорьева также оказали большое влияние на эстетику К. Леонтьева. Ведь леонтьевский термин “веяние” из статьи о романах Л. Толстого взят у Ап. Григорьева. К. Леонтьев прошёл через сферу влияния Ап. Григорьева и в философии истории. Можно заметить связь между леонтьевской историко-культурной концепцией, изложенной в “Византизме и славянстве”, и идеей “органицизма”, развитой Ап. Григорьевым в поздних статьях, где он противопоставляет её как основную форму культурной жизни человечества идее рационального прогресса. Но в критических статьях подход К. Леонтьева

к художественным произведениям существенно отличался от григорьевского. В отличие от К. Леонтьева эстетический критерий не был для Ап. Григорьева исключительным, у него всегда присутствовала значимая нравственная оценка. Эстетическое и этическое соединялись в единое целое. Так называемый “эстетический аморализм”, присущий К. Леонтьеву (т. е. отсутствие нравственных критериев) отталкивал от него современников, которые, по выражению В. Розанова, от приведенных выше слов (речь идет о тезисе К. Леонтьева “красота есть цель жизни”) пришли бы в состояние “отравления организма”.

Таким образом, К. Леонтьев обрекал себя на одиночество в среде философов и литераторов. В большей степени он был близок к славянофилам идеями церковного традиционализма. Бесспорное влияние на К. Леонтьева оказала система Н. Данилевского, автора известной работы “Россия и Европа”. Н. Бердяев в исследовании “К. Леонтьев” указывал на оригинальность и самостоятельность мышления К. Леонтьева, что находило отражение в стиле статей критика, обозначенном Н. Бердяевым как режущий, дерзкий и страстный [1].

Отметим ещё один важный аспект. Так же, как и у В. Розанова, главные идеи К. Леонтьева формировались в рамках его религиозного сознания. Ранний период его творчества представлял наивный синтез религиозных идей и романтического мировидения, что, прежде всего, нашло отражение в его художественных произведениях. В середине жизни К. Леонтьев переживает глубокий духовный кризис, и это находит своё отражение в публицистике. Сам К. Леонтьев писал, что кризис был определен его страстным обращением к личному Православию. Совершался переход от внешних форм церковной жизни к внутреннему состоянию глубокой веры, о чём писал К. Леонтьев В. Розанову. В поздних своих воспоминаниях он характеризует свою раннюю религиозность как “неясный деизм”, в котором, как известно, “отсутствует идея непосредственного участия бога в жизни человека” [10, с. 22-24].

Во время болезни в К. Леонтьеве вспыхнула “личная вера” в Бога, в заступничество Божьей матери, к которой он обратился с молитвой. На третий день после выздоровления он приехал на Афон, чтобы постричься в монахи. Страх смерти вызвал в нём веру: “Я смирился, ибо понял высшую теологию случайности. Физический страх прошёл, а

духовный остался. С тех пор я от веры и страха Господня отказаться уже не могу”. В связи с этим он отказывается от антропоцентризма, который так значим был в русской литературе XIX века. В автобиографии он пишет: “Я нахожу теперь, что самый глубокий блестящий ум ни к чему не ведёт, если нет судьбы свыше. Так обнаруживается мистицизм критика, он много пишет о невидимых, таинственных и сверхчеловеческих силах, проявляющихся в русском поэтическом сознании (Пушкин, Тютчев). Истинный художник, полагает К. Леонтьев, осознаёт, что человек живёт и в земной жизни, и в инобытии. Здесь — там становится ведущей оппозиций в творчестве раннего Н. Гоголя, позднего И. Тургенева, замечает он в статье “Восток, Россия и славянство” [5, с. 153]. Н. Бердяев указывал, что К. Леонтьев в его неоромантизме, так же как и Ап. Григорьев, эстетически перетолковал Православие. Возможно, этот тезис верен. Однако верно и то, что не только в эстетическом, литературном плане он искал спасения, а прежде всего, в православной вере. Поиск истины и идея спасения соединяли, синтезировали эстетические, литературные и религиозные искания К. Леонтьева.

“Духовная амбивалентность леонтьевского эстетизма” [2, с. 141], особенности его кризисного сознания отразились в статье “Наши новые христиане. Ф. Достоевский и граф Л. Толстой”, в которой творческое наследие писателей включается в эстетико-философский контекст размышлений о судьбах славянофильства, православия, русской и европейской культур. В этот период К. Леонтьев близок не только к Ф. Достоевскому, но и к Ап. Григорьеву; их объединяла общая литературная почва. Ап. Григорьев отмечал, что литературно-душевная почва “нашего недавнего прошлого” (речь шла о А. Пушкине и И. Тургеневе) была для них “родной”, и они сохраняли верность ей при всех эстетических разногласиях и философских переоценках. Неоднократно К. Леонтьев писал о значимости русского байронизма и европейского романтизма, мировой тоске русского мыслящего героя. Заметим, что и Ф. Достоевский в 1876 г. размышлял о Жорж Санд как одной из “ясновидящих предчувственников” более счастливого будущего, ожидающего человечество [3, № 2], а в 1877 г. на могиле Н. Некрасова защищал перед новыми радикалами байронизм как “великое и святое” явление европейского духа. По этому поводу С. Франк заметил: “В их звуках (словах) зазвучала тогдашняя то-

ска человечества и мрачное разочарование в своём назначении” [13, с. 86]. В поисках гармонии критик и писатель обращались к А. Пушкину. К. Леонтьев был солидарен с Ф. Достоевским в том, что только А. Пушкин указал “исход для нас, русских, из мировой тоски — в обращении к идеалу народности, почве” [9, т. 2, с. 113]. Из своей первой монастырской кельи на Афоне в 1872 г. критик писал: “От некоторых мест Чайльд Гарольда можно перейти без всякого усилия и почти незаметно к иным местам Давидовых Псалмов, а от Псалмов Давида ко всей христианской церковности. Два величайших лирика (речь идёт о Пушкине и Байроне — Н. Р.) всего мира могут легко примириться в большой и тоскующей русской душе. — И вольно же было сухим умам мировую тоску, тоску безграничной ненасытной и широкой души сводить на мелкое гражданство, недовольство современностью, вместо того, чтобы разрешить ее в Боге” [7, с. 34]. В парадоксальном сочетании этих имён и заключалась, с точки зрения Н. Бердяева, “цветущая сложность” К. Леонтьева. Он склонялся перед требованиями православной аскезы и не хотел, в то же время, терять широту эстетических и культурных переживаний. “Ум свой упростить я не могу”, — замечал критик. Он не просто в своей концепции совмещает Байрона и пророка Давида: эти имена важны для него как некие вехи пути русского человека. Путь, на котором “тоска мировая широкой и ненасытной души находит себе разрешение в почве и в Боге” [7, с. 35], путь, какой проходили близкие ему по духу интеллектуальные герои XIX в.

Думается, эти идеи применимы не только к А. Пушкину, но и к Ф. Достоевскому, Л. Толстому. Парадоксальные суждения К. Леонтьева стали своеобразными пророчествами в современной гуманитарной мысли, осмысляющей концепцию русской литературы в целом.

Список использованной литературы

1. Бердяев Н. Константин Леонтьев / Н. Бердяев. — Париж: YMCA-Press, 1926. — 269 с.
2. Булгаков С. Тихие думы / С. Булгаков. — М.: Республика, 1918. — 160 с.
3. Грифцов В. А. Судьба К. Н. Леонтьева / В. А. Грифцов // Русская мысль. — 1913. — №1. - С. 85-107; № 2. - С. 51-77; № 4. - С. 1-14.
4. ИваскЮ. П. Константин Леонтьев (1831-1891). Жизнь и творчество/Ю. П. Иваск // К. Н. Леонтьев: proetcontra: в 2 кн. — СПб., 2010. — Кн. 2. — С. 229-650.

5. Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) / К. Н. Леонтьев. - М.: Эксмо, 2007. - 896 с.
6. Леонтьев К. Н. Избранные письма (1854-1891) / К. Н. Леонтьев. — СПб.: Пушкинский фонд, 1993. — 637 с.
7. Леонтьев К. Н. Отшельничество, монастырь и мир. Их сущность и взаимная связь (Четыре письма с Афона) / К. Н. Леонтьев // Начала. — 1992. — № 2.
8. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / К.Н. Леонтьев — СПб., 2003.
9. Леонтьев К. Н. Собр. соч.: в 9 т. / К. Н. Леонтьев. — СПб.: Саблин, 1912-1913. — Т. 2. - 268 с.
10. Леонтьев К. Н. Хронология моей жизни / К. Н. Леонтьев // Литературное наследство. - М.: Труд, 1935. - Т. 22-24. - С. 435-478.
11. Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве, из моих воспоминаний // Русский вестник — 1888.-Кн. II-III.- С. 35-67.
12. Тургенев И. С. Сочинения: в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1978-1986. — Т. 12.
13. Франк С. Л. Философия и жизнь / С. Л. Франк. — СПб.: Изд-во Д. Жуховского, 1910.- 120 с.
14. Хатунцев С. В. Общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в 50-е — начале 70-х гг. XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Станислав Витальевич Хатунцев. — Воронеж, 2004. — 24 с.